

ЮБИЛЕЙ

Саша Аронов... Кто он? Журналист или поэт? Пустой вопрос. Чем дальше, тем понятнее, что он был поэтом в журналистике, а в жизни — просто поэтом. Такого человека в нашей редакции нет и вряд ли будет. Он жил по своим законам и даже придумал страну, где отлично жилось бы всем, и ему в том числе. Страна называлась Мальбек, и первый закон ее гласил: "Ни на кого нельзя смотреть снаружи". А еще он до самозабвения любил свой день рождения. И ждал его как ребенок. Сегодня Саше Аронову исполнилось бы 70.

Татьяна Аронова-Суханова: "Мне всегда хотелось его защитить..."

У каждого поэта должна быть муза. Должна, и точка. Музой Саши Аронова стала художница Татьяна Суханова. Ей посвящены многие его стихи. Например, такое:

Любимая, молю влюбленный:
Переходите на зеленый,
На красный стойте в стороне;
Скафандр наденьте на Луне,
А в сорок первом, Бога ради,
Не оставайтесь в Ленинграде...
Вот все, что в мире нужно мне.

У их любви — особая история.

— Татьяна, как вы познакомились?

— Я училась в школе на улице Москвина, что рядом с театром Корша. И в школу пришел Саша Аронов преподавать литературу. Ему дали 8-е классы. А еще он вел поэтические семинары. И я сразу влюбилась. И не я одна. Не влюбиться было невозможно: он входил в класс — и как буднично включалось солнце.

— Какая разница была в возрасте?

— Разница как раз небольшая — 7 лет, мне было 16, а ему — 23. И был такой случай: наш класс пошел на спектакль в филиал Малого, и после он пошел меня провожать. Шли по улицам, он читал стихи — Ходасевича, лирику Маяковского. Ну, а наутро разразился скандал. Кто-то, очевидно, видел, что педагог провожает ученицу, и тут же собрали педсовет. "Педагог не имеет права увлекаться", — высказали ему. И на этом все закончилось. Мне пришлось уйти из школы, и он через какое-то время тоже ушел. Так наши пути разошлись. Надолго.

— Он испугался педсовета?

— Время было нехорошее — 56—57-й год. И дело не в нем даже, это я была в него влюблена. Но, видимо, все-таки судьба: я вышла замуж, развелась, моему сыну был год. И вот в доме ученых, где я работала, объявлен устный выпуск "Московского комсомольца". И там — Аронов. Он изменился — появилась какая-то надломленность, но тот же взгляд, та же энергия исходила от него. К тому времени он был женат, и кажется, во второй раз.

Через 5 лет — снова выпуск "Московского комсомольца". Снова дом ученых и — Саша. Он разведен, нашел меня, и все закрутилось. Мы жили все — я, Саша, мой сын Максим — в одной крохотной квартирке в Выхине: в маленькой комнате — моя мама, а в большой стояло три тахты, и мы называли ее изба-читальня. Потому что каждый лежал на своей тахте и читал.

— Отличаются ухаживания поэта от ухаживаний других мужчин?

— Я даже не знаю, ухаживания ли это были. Меня все спрашивали: "Тяжело ли жить с поэтом?" Тяжело только в том смысле, что к жизни он не приспособленный. Не знаю почему, но мне всегда хотелось его защитить. Хотя он был мужчина и мог за себя постоять, но мне всегда казалось, его кто-то может обидеть. И потом стихи — это для Саши, конечно, все.

— Как он совмещал светную газетную работу с поэзией? Ведь слушенье муз не терпит суеты.

— То, что он делал в газете, — это было с душой. Мог писать обо всем — театральные премьеры, стихи молодых поэтов. Что его ни спроси — он в курсе, все знает, энциклопедические знания. И обо всем свое особенное мнение. С ним интересно разговаривать на любую тему.

А стихи так. Вот мы идем по улице, я ему что-то говорю, а сама вижу — он отсутствует. Я понимаю, что в этот момент мне нужно вообще уйти, раствориться. Потом вынимал из кармана блокнот, который у него всегда с собой, где-то присаживался, хоть на лавке, хоть на парапете, и записывал. А дома уже все прописывалось окончательно. Его записные книжки, например, очень интересно листать.

— Он называл тебя своей музой?

— Музы у него в разное время были разные. У него была первая большая любовь — ей была посвящена первая поэма "Туннель". Вторая была актрисой, работала в театре "Сфера". Музой от меня не называл.

— Он много посвящал тебе стихи. Какое любимое твое?

— Любимая, молю влюбленный:
Переходите на зеленый,
На красный стойте в стороне...

Стихи были отдельной его жизнью. И в конце, когда он был тяжело болен и выезжать уже никуда не мог, то он свои стихи вкрапывал в газетные колонки, которые писал в "МК" (известная колонка Александра Аронова "Поговорим"). — М.Р.)

— Скажи, он переживал, что в фильме "Ирония судьбы", где звучит его песня "Если у вас нету тети" среди других авторов нет его фамилии?

ПОЭТ ИЗ СТРАНЫ МАЛЬБЕК

— Сейчас его фамилию вставили, а раньше действительно не было. Но это не специально, просто песню про тетю Рязанов взяла как народную, которую пела вся Москва. И только одна актриса, случайно проходя по Мосфильму, услышала "Тетю" и сказала: "Ой, это же Сашкина песня". Так авторство было восстановлено.

— Он переживал, что он — непризнанный поэт, а его песни — народные?

— Думаю, да. Хотя никогда об этом не говорил. Он знал себе цену.

— А почему он не ушел из газеты и не занимался литературным трудом?

— Литературный труд плохо оплачивался. А он, при всей своей незаемленности, был ответственен за семью. У него жена, сын, хоть и не родной, но как родной, и для нас он всю жизнь работал не покладая рук. Он был человек непритязательный, неприхотливый в быту. Для себя никогда ничего не требовал. Когда мы встретились в третий раз в доме ученых, у него пальто было застегнуто — одна пола выше другой. И он не обращал на это внимания. Он мог уйти на работу в разных ботинках.

А еще был такой случай: когда он уходил на работу, я стояла у окна и махала ему рукой, а он с улицы — мне. И вот он шел, махал руками и упал в каменный вазон для цветов. Я выскочила, думала, переломался. Ничего, обошлось. Мог идти по улице и читать стихи, если они у него пошли. Люди оглядыва-

лись, Саша не замечал. А в театре — лучше зрителя не было. Начался спектакль, и Саша уже был на сцене, никто так открыто не проявлял эмоции.

— Поэт — как ребенок?

— Он, например, совершенно не мог оставаться один. У него был более свободный график, а я ходила на работу. И вот каждые полчаса он звонил: "Когда ты придешь?" Находил меня везде, обзвонит вахтеров, директора. Его знали, любили, и меня находили везде.

— Сегодня у Саши день рождения. Он любил этот день?

— К своему дню рождения он относился трепетно. Ждал его. Приходили друзья, но немного. С выпивком, с чтением стихов. Александр Яковлевич был в кураже. Пел, он ведь пел хорошо, только не играл ни на каком инструменте.

— Саша писал, что если нужны бездельники и винопицы, завистники и виршеписцы и лихая рать ночных девиц, то их надо брать среди поэтов. Он был только теоретиком в вопросе винопиц?

— Он выпивал. Предпочитал водку. Хотя когда поступил к нам в школу, не пил и не курил. Ну уж а потом... Когда выпивал, любил читать стихи. Читал, а потом тихо засыпал. Он ведь жил в своем мире. Даже придумал страну Мальбек, и мы с ним жили по ее законам. Двух придерживались точно. Первый: "Ни на кого нельзя смотреть снаружи". А второй: "Все вздор — вражда. Какие там враги? Того, что все умрем, на всех хватало".

Максим Суханов:

"Мне казалось, что он младше меня"

Максим Суханов не был тогда знаменитым артистом. Он был подростком, мама которого вышла замуж за поэта Аронова.

— Макс, твое первое впечатление о Саше.

— Я буду, наверное, лукавить, если скажу, что, мол, вот такое было мое первое впечатление. А я даже не помню того дня. Помню, что мне 14 лет. А он — всегда активный, энергетически активный. Всегда в движении. Ходит, курит много. Кудрявая копна волос. Запомнилось его такое кометное существование. Очень яркое. И очень ярко обо всем заявлял. А что заявлял, в этом он очень хорошо разбирался. Во всяком случае, когда он меня готовил к экзаменам — по литературе, по истории, — это было что-то особенное: все оживало. Во всяком случае, это из-за него я начал читать Платонова.

— Как ты его называл? Саша, как все?

— Нет — Александр Яковлевич. Не ему, мне так хотелось. Как мне никогда не хотелось, скажем, своего педагога в театральном училище Владимира Владимировича Иванова называть просто Володей. В этом есть почтение, признание и дистанция. Я думаю, что с Александром Яковлевичем та же самая была история. Я звал его по имени-отчеству не потому, что он был чужой. Если бы был далекий, я быстрее перешел бы на более простое общение.

— Он тебя воспитывал?

— О воспитании как о своде законов ничего не говорил и не заявлял. Скорее, он чувствовал, в какую сторону со мной, с подрастающим, надо идти и как разговаривать. А ему, я уверен, не всегда интересно было со мной разговаривать, потому что его голова была устроена парадоксально. Парадокс в том, что он занимался каждодневной редакционной работой и хотел ей заниматься — интересовался политикой и вообще мироустройством. Но был при этом поэтом. И мне всегда хотелось быть для него интересным, а для этого надо было реагировать на его парадокс адекватно. Само нахождение рядом с ним вызывало работу мысли, работу твоих собственных мурашек. Даже когда просто за ним наблюдаешь.

— Как ты в школе учился?

— Неважно.

— А как отчим реагировал на твои "тройки"?

— Никак. И мама никак.

— А когда вызывали в школу, кто ходил?

— Бабушка. У меня от школы вообще не очень приятные ощущения — школа давит личность. За "тройки" Александр Яковлевич меня не ругал. Если бы ругал, думаю, тогда бы жизнь не получилась. Я был тогда и перфекционист, и максималист в одном флаконе, я бы не потерпел открытого давления.

— А наблюдал ли ты Сашу в период отчаяния?

— Наблюдал. Он очень ярко реагировал, когда в типографском наборе изменяли что-то из им написанного. Или когда на планерках кто-нибудь говорил глупость. Вот глупость... она раздражала его неимоверно. К глупости можно относиться снисходительно или не замечать вообще, а она задевала его за живое, сдавливала такие болевые центры, что он по-другому не мог на нее реагировать. Кричал, матом ругался.

Но при этом он один из немногих людей, с кем можно было говорить серьезно. У меня по отношению к нему была зависть: к тому, что человеку дано общаться с чем-то, с чем мне не дано. С миром рифмы, ритмов, страхов, комплексов. И это все преобразуется в искусство, когда ложится на бумагу. Он был человек, который равен себе. Именно талант давал ему эту равность.

Саша Аронов нежнейшей души человек, тонкость и прозрачность которой не передать словами. Только стихами. И только его. Например, моими любимыми:

В Марьине тоже расцветают вишни.
Бабочка села на мою собачку.
Как это случилось, что я тут лишний?
Как это вышло, что вот я сейчас заплачу?
С днем рождения, Саша!

Марина РАЙКИНА.

Александр
Аронову —
70

Максим Суханов.